

87.3(3)

Р 361

Издание Ассоциациі Анархистовъ Урала

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

МОЕМУ БРАТУ,
 КРЕСТЬЯНИНУ.

АРХИВ

Цѣна 15 коп.

Уральская Государственная Типографія.

С 129905 - ко

7K.

87.3(3)63 K 9

~~335.8~~

P 361

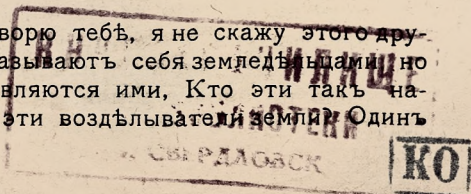
Моему брату, крестьянину.

„Правда ли“, спросилъ ты меня, „что твои товарищи, городскіе рабочіе хотятъ взять у меня землю, ту землю которую я такъ люблю, и которая даетъ мнѣ хлѣбъ, правда довольно скупю, но все-таки даетъ? Она кормила моего отца и отца моего отца; неужели же дѣти мои будутъ лишены возможности кормиться на ней? Правда ли, что ты хочешь взять у меня землю?“

— „Нѣтъ, мой братъ, это неправда. Ты любишь землю, воздѣлываешь ее, тебѣ принадлежитъ и урожай. Ты добываешь изъ земли хлѣбъ, никто не имѣетъ права ѣсть его прежде тебя, прежде женщины, которая соединила свою судьбу съ твоей, прежде ребенка, родившагося отъ вашего союза. Храни свои поля, храни свой заступъ и соху, необходимые тебѣ, чтобы вспахивать затвердѣвшую землю, храни сѣмена для посѣвовъ. Нѣтъ ничего священнѣе твоего труда, — и тысячу разъ будь проклятъ тотъ, кто вздумаетъ отнять у тебя землю, сдѣлавшуюся кормилицей благодаря труду рукъ твоихъ!“

Но то, что я говорю тебѣ, я не скажу этого другимъ которые тоже называютъ себя земледѣльцами, но на самомъ дѣлѣ не являются ими, Кто эти такъ называемые работники, эти воздѣлыватели земли? Одинъ

родился вельможей. Лишь только успѣли положить его въ колыбель, одѣтаго въ тонкія ткани и дорогіе шелка, священникъ, судья, нотариусъ и другія особы пришли поклониться новорожденному, какъ будущему владѣльцу земли. Куртизаны, мужчины и женщины, стекаются со всѣхъ сторонъ, принося дары, дорогія ткани, затканые серебромъ и золотыя погремушки; и въ то время, какъ его осыпаютъ подарками, писцы записываютъ въ болшихъ книгахъ, что малютка владѣтъ—здѣсь источниками, тамъ рѣками, а еще дальше лѣсами, полями и лугами, тамъ садами и еще другими полями, другими лѣсами, другими пастбищами. У него есть имѣнія въ горахъ, есть въ долинахъ; даже подъ землею у него имѣются крупныя владѣнія, гдѣ люди работаютъ сотнями и тысячами. Достигши зрѣлаго возраста онъ можетъ быть посѣтитъ когда-нибудь эти владѣнія, унаслѣдованныя имъ по выходѣ изъ утробы матери—можетъ быть, не дастъ себѣ труда даже заглянуть туда; но все равно, продукты собирать и продавать будетъ онъ. Со всѣхъ сторонъ, по проѣзжимъ и желѣзнымъ дорогамъ, на рѣчныхъ баржахъ и морскихъ пароходахъ къ нему будутъ прибывать мѣшки золота—доходъ съ его помѣстій. И что-же? Когда у насъ будетъ сила, оставимъ мы всѣ эти продукты человѣческаго труда въ сундукахъ этого наслѣдника? Оставимъ ли мы неприкосновенной эту собственность? Нѣтъ, друзья мои, мы возьмемъ все это. Мы разорвемъ эти бумаги и планы, мы взломаемъ двери этихъ замковъ, мы завладѣемъ этими имѣніями. „Работай, молодой человѣкъ, скажемъ мы ему, если хочешь ѣсть. Ничто больше изъ этихъ богатствъ не принадлежитъ тебѣ“.

А тотъ другой господинъ, родившійся бѣднякомъ безъ дворянскихъ грамотъ, къ которому ни одинъ льстецъ не являлся на поклонъ въ материнскую хижину или чердакъ, но которому удалось разбогатѣть при помощи своего честнаго или нечестнаго труда? У него не было ни клочка земли, гдѣ бы онъ могъ склонить свою голову, но онъ сумѣлъ посредствомъ спекуляціи

или сбереженій, милостью своихъ господъ или судьбы пріобрѣсть громадныя пространства, которыя онъ теперь окружаетъ стѣнами и заборами: онъ собираетъ, гдѣ не сѣялъ, онъ ѣстъ и подбираетъ хлѣбъ, который другой добылъ своимъ трудомъ. Отнесемъ ли мы съ уваженіемъ къ этой другой собственности, собственности разбогатѣвшаго бѣдняка, который не работаетъ самъ и называетъ землю своею, воздѣлывая ее руками рабовъ? Нѣтъ, мы не поощримъ эту вторую собственность, такъ же, какъ и первую. И здѣсь также, когда у насъ будетъ сила, мы возьмемъ эти имѣнія и скажемъ тому, кто считаетъ себя ихъ хозяиномъ: „Прочь выскочка! Ты работалъ когда то, такъ продолжай. Ты будешь имѣть хлѣбъ, который заработаешь своимъ трудомъ, но земля, которую ты не воздѣлываешь, больше не твоя. Ты больше не хозяинъ хлѣба!“

Такимъ образомъ, мы возьмемъ землю, но возьмемъ у тѣхъ, кто владѣетъ ею, не работая, чтобы отдать ее тѣмъ, кто работаетъ; но отдадимъ ее не для того, чтобы позволить имъ въ свою очередь эксплуатировать другихъ несчастныхъ. Количество земли, на которое отдѣльная личность, семья или группа друзей имѣетъ право, не можетъ превышать размѣровъ, которые могутъ быть обработаны личнымъ или общимъ трудомъ. Какъ только размѣры эти переходятъ за предѣлы пространства, которое они могутъ воздѣлать, они не вправѣ будутъ требовать себѣ этотъ излишекъ; пользование имъ принадлежитъ другому работнику. То, что ты обрабатываешь, мой братъ, — твое, и мы поможемъ тебѣ сохранить это всѣми находящимся въ нашей власти средствами; но земля, которую ты воздѣлываешь, принадлежитъ твоему товарищу. Дай ему мѣсто. Онъ тоже сумѣетъ работать.

Но, если каждый изъ васъ имѣетъ право на свою долю земли, будете ли вы жить отдѣльно другъ отъ друга? Одинъ мелкій крестьянинъ, собственникъ или арендаторъ, слишкомъ слабъ, чтобы бороться за-

разъ и со скупой природой и со злыми угнетателями. Если онъ выживаетъ, то благодаря чудовищнымъ уси-
ліямъ. Онъ долженъ приспособляться ко всѣмъ ка-
призамъ погоды и в тысячѣ случаевъ подчиняться доб-
ровольной пыткѣ. Морозить ли, палить ли солнце,
идеть ли дождь, или дуетъ вѣтеръ, онъ долженъ
всегда быть на работѣ; затопить наводненіемъ его
урожай, спалить его солнце—онъ съ грустью собе-
ретъ остатки, которыхъ не хватитъ ему, чтобы прокор-
миться. Наступитъ день посѣва—онъ вынетъ изо рта
послѣднее зерно и броситъ его въ борозду. Въ его от-
чаяніи у него остается страстная вѣра: онъ приносить
въ жертву часть своей убогой жатвы, такъ необходи-
мой ему, въ увѣренности, что послѣ суровой зимы,
предательской и измѣнчивой весны, послѣ жгучаго
лѣта, хлѣбъ всетаки родится и удвоитъ, утроитъ,
уде сятеритъ, быть можетъ, посѣвъ. Какую глубокую
любовь хранить онъ къ этой землѣ, которая застав-
ляетъ его такъ много трудиться, такъ много страдать
въ постоянномъ страхѣ и разочарованіи и такъ лико-
вать отъ радости, при видѣ волнующихся налитыхъ
колосьевъ. Нѣтъ сильнѣе любви крестьянина къ зем-
лѣ, которую онъ вспахиваетъ и засѣваетъ, изъ кото-
рой онъ вышелъ и в которую вернется! И, однако,
сколько враговъ его окружаетъ и зарятся на эту зем-
лю, которую онъ такъ страстно любить. Сборщикъ
податей облагаетъ налогомъ его борону и беретъ
у него часть собраннаго имъ хлѣба; продавецъ беретъ
другую часть; желѣзная дорога его обкрадываетъ при
перевозкѣ товара. Со всѣхъ сторонъ его обманываютъ
И сколько бы мы ему ни кричали: „Не плати нало-
говъ, плати арендной платы“,—онъ всетаки платитъ,
потому что онъ одинъ, потому что онъ не довѣряетъ
своимъ сосѣдямъ—другимъ мелкимъ крестьянамъ,
собственникамъ, или арендаторамъ, и не рѣшается
сговориться съ ними. Страхомъ и разъединеніемъ
держатъ крестьянъ въ подчиненіи.

Сильнѣ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, государствомъ и бариномъ, крестьяне, живущіе обществами, какъ задруга и міръ, въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ. Земля—ихъ общественная собственность и она не дробится на многочисленные куски, огороженные заборами, стѣнами или рвами. Имъ не приходится спорить, ихъ ли колось, выросшій вправо или влѣво отъ борозды. У нихъ нѣтъ ни судебныхъ приставовъ, ни адвокатовъ, ни нотаріусовъ, чтобы устраивать ихъ дѣла съ тозарищами. Послѣ сбора, до наступленія поры новыхъ работъ они собираются вмѣстѣ для обсужденія своихъ общихъ интересовъ. Женился ктонибудь, родился въ семьѣ ребенокъ или вообще прибавился новый членъ,—всѣ излагаютъ свое новое положеніе и берутъ большую часть изъ общаго, имущества, чтобы удовлетворить увеличившіяся потребности. Надѣлы увеличиваются или уменьшаются смотря по количеству земли и по числу членовъ общины, и каждый обр. батываетъ свое поле, счастливый сознаніемъ, что живетъ въ мирѣ съ своими братьями, которые работаютъ тутъ-же на землѣ, размѣренной сообразно потребностямъ всѣхъ. Въ случаѣ необходимости товарищи помогаютъ другъ другу: сгорѣла чьянибудь хижина,—всѣ принимаются за постройку новой; размыло дождемъ часть поля,—уступаютъ другое пострадавшему владѣльцу. Кто-нибудь одинъ па-сетъ общинныя стада, и вечеромъ овцы и коровы сами возвращаются въ свои хлѣва. Община составляетъ въ одно и то же время собственность всѣхъ и каждого.

Но, какъ и отдѣльная личность, община слишкомъ слаба, если она остается обособленной. Не достаетъ земли для всей общины,—и всѣ должны голодать! Она находится почти въ постоянной враждѣ съ болѣе богатымъ помѣщикомъ, который вѣчно заявляетъ притязанія на то или другое поле, тотъ или другой лѣсъ или пастбище. Она старательно борется, и если бы былъ только одинъ помѣщикъ, она живо справилась бы съ его алчностью, но помѣщикъ не одинъ:

на его сторонѣ губернаторъ и начальникъ полиціи, за него стоятъ попы и судьи, его поддерживаетъ все правительство съ своими законами и арміей. Въ случаѣ нужды, къ его услугамъ имѣются пушки, чтобы разстрѣлять тѣхъ, кто не хочетъ уступить ему спорную землю. Такимъ образомъ, если даже община будетъ тысячу разъ права, все говоритъ за то, что власти найдутъ ее неправой. И какъ бы мы ни кричали ей, какъ и плательщику податей: „Не уступай!“—она, и крестьянинъ-одиночка, должна будетъ уступить, въ силу своей обособленности и слабости.

Итакъ, всѣ вы, мелкіе собственники—самостоятельные или живущіе общинами—очень слабы, чтобы бороться со всѣми, кто старается васъ поработить: съ узурпаторами, посягающими на вашъ клочекъ земли, съ правителями, вымогающими у васъ продуктъ вашего труда. Если вы не соединитесь вмѣстѣ, вы скоро раздѣлите судьбу тѣхъ милліоновъ и милліоновъ людей, которые уже лишены всякаго права на посѣвы и уборку и живутъ въ рабствѣ наемнаго труда, находя работу тогда, когда хозяевамъ выгодно имъ ее дать, и вѣчно принужденные христарадничать подъ тѣмъ или инымъ видомъ,—то униженно выпрашивая работу, а то и протягивая руку за подачкой. У нихъ нѣтъ больше земли; васъ можетъ постигнуть такая же участь.

Есть-ли стало быть такая ужъ большая разница между вашею и ихъ судьбою? Несчастье ихъ уже постигло, васъ оно постигнетъ не сегодня, завтра. Соединитесь же всѣ въ вашемъ общемъ несчастьѣ и опасности, которая угрожаетъ вамъ. Защищайте то, что у васъ осталось, верните себѣ все потерянное.

Иначе васъ ждетъ тяжкая участь. Не забудьте, что мы живемъ въ вѣкъ науки и системъ, и наши правители, имѣя въ своемъ услуженіи цѣлую армію химиковъ и профессоровъ, готовятъ вамъ такую общественную организацію, въ которой все будетъ распредѣлено, какъ на заводѣ, гдѣ машина управляетъ

всѣмъ, даже людьми, гдѣ послѣдніе — простыя колеса, которыхъ выбрасываютъ, лишь только они принимаются разсуждать и желать.

Такъ въ пустыняхъ Западной Америки, въ плодородныхъ областяхъ громадныя пространства земли уступлены компаніямъ спекуляторовъ, находящихся въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ, какъ всѣ богачи и негодаи, которымъ посчастливилось разбогатѣть. Имѣя въ своемъ распоряженіи людей и капиталы, они превращаютъ эти земли въ хлѣбныя заводы.

Вотъ образчикъ такой культуры земли въ одной провинціи.

Веденіе хозяйства на этомъ огромномъ пространствѣ поручено одному человѣку, являющемуся чѣмъ то въ родѣ генерала, образованному, опытному, хорошему земледѣльцу и такому же хорошему продавцу, ловкому въ искусствѣ оцѣнивать по ихъ настоящей стоимости силу производительности земли и мускуловъ. Этотъ господинъ живетъ въ удобномъ помѣщеніи въ центрѣ своихъ владѣній. Въ сараяхъ у него стоитъ сто плуговъ, сто сѣялокъ, сто жатвенныхъ машинъ, двадцать молотилокъ; штукъ пятьдесятъ вагоновъ, прицѣпленныхъ къ локомотивамъ, безпрестанно скользятъ по рельсамъ по направленію отъ вокзаловъ, стоящихъ тутъ же на поляхъ, къ ближайшему порту. И пристани, и пароходы, стоящіе въ порту, также собственность владѣльца имѣнія. Изъ его дома ко всѣмъ другимъ постройкамъ проведенъ телефонъ; голосъ хозяина слышенъ повсюду. До его слуха доносится малѣйшій шумъ; онъ видитъ каждое движеніе. Ничто не дѣлается безъ его приказанія; его хозяйскій глазъ слѣдитъ за всѣмъ,

Но во что превращается рабочій, крестьянинъ въ этомъ столь прекрасно организованномъ мірѣ? Машины, лошади и люди употребляются совершенно

одинаково: на нихъ смотрять, какъ на сумму силы, которую надо употребить съ большей пользой для хозяина: выжать изъ нея какъ можно больше продуктовъ съ наименьшими затратами. Конюшни расположены такимъ образомъ, что съ перваго же шага по выходѣ изъ зданія животныя уже вскапываютъ борозду, которая должна тянуться черезъ все поле, на разстояніе нѣсколькихъ верстъ: каждый шагъ ихъ рассчитанъ, и каждый приноситъ доходъ хозяину.

Точно такъ же, каждое движеніе рабочаго, лишь только онъ переступаетъ порогъ общей спальни, рассчитано, размѣрено. Здѣсь нѣтъ ни женъ, ни дѣтей, которыя могли бы отвлекать отъ работы лаской или поцѣлуемъ. Рабочіе распределены по небольшимъ отрядамъ, имѣющимъ своихъ унтеровъ, капитановъ и неизбежнаго шпіона. Каждый обязанъ методически исполнять данную ему работу, храня полное молчаніе. Сломается какая нибудь машина, — ее бросаютъ въ ломъ, если нельзя ее поправить; упадетъ лошадь и сломаетъ себѣ ногу, ее убиваютъ выстрѣломъ въ ухо изъ револьвера и убираютъ трупъ. Упадетъ человѣкъ въ изнеможеніи, сломаетъ себѣ руку или ногу, или схватитъ лихорадку, — его не приканчиваютъ на мѣстѣ, но прогоняютъ: пусть умираетъ себѣ гдѣ нибудь въ сторонѣ, не беспокоя никого своими жалобами

По окончаніи большихъ работъ, когда природа отдыхаетъ, отдыхаетъ и директоръ и отпускаетъ свою армію. На слѣдующій годъ онъ всегда найдетъ сколько нужно наемныхъ костей и мускуловъ, но онъ ни за что не возьметъ прошлогоднихъ рабочихъ: они могутъ претендовать на свою опытность, вообразить, что знаютъ не меньше самаго хозяина, плохо повиноваться, и — кто знаетъ? — пожалуй, еще привяжутся къ воздѣлываемой ими землѣ и вообразятъ, что она ихняя...

Если бы счастье человѣчества заключалось въ созданіи кучки милліонеровъ, ради удовлетворенія сво-

ихъ капризовъ и страсти собирающихъ груды продуктовъ, произведенныхъ трудомъ поработанныхъ рабочихъ, то эта научная обработка земли галерными каторжниками была бы идеаломъ. Какіе удивительные результаты даютъ эти финансовыя предпріятія! Количество хлѣба, добытаго трудомъ 500.000 человекъ, можетъ прокормить пятьдесятъ милліоновъ; ничтожныя затраты на жалкую плату рабочимъ приносятъ громадныя количества хлѣба, которымъ грузятъ корабли и продаютъ его въ десять разъ дороже стоимости его производства.

Правда, если масса потребителей слишкомъ объединѣтъ за неимѣніемъ работы и заработной платы, она не сможетъ покупать всѣ эти продукты и, осужденная на голодную смерть, не станетъ больше обогащать спекуляторовъ. Но послѣднихъ не занимаетъ отдаленное будущее: разбогатѣть сначала, итти по дорогѣ, усыпанной золотомъ, а потомъ видно будетъ,—дѣти выпутаются! „Послѣ насъ хоть потопись!“

Вотъ, товарищи рабочіе, какую судьбу готовятъ вамъ! У васъ возьмутъ любимую землю, гдѣ вы въ первый разъ увидѣли тайну хлѣбнаго стебелька, пробивающагося сквозь твердую почву. У васъ возьмутъ поля и нивы; васъ возьмутъ самихъ. Привяжутъ васъ къ желѣзной машинѣ, дымящей и шипящей, и въ облакахъ чернаго дыма вы должны будете вертѣть какое-нибудь колесо, размахивая руками десять двѣнадцать тысячъ разъ въ день.—Это будетъ называться земледѣліемъ.

И не думайте тогда помышлять о любви, когда у васъ явится желаніе имѣть жену; не поворачивайте голову въ сторону проходящей молодой дѣвушки: старшій мастеръ не потерпитъ, чтобы вы крали время у хозяина. Если угодно будетъ послѣднему разрѣшить вамъ жениться и оставить послѣ себя потомство,—значитъ вы ему очень понравились; у васъ будетъ та рабская душа, какую ему хотѣлось видѣть въ своихъ рабочихъ.

Васъ ждетъ будущность рабочаго, работницы, заводскаго дѣтища! Древнее рабство никогда болѣе методически и послѣдовательно не калѣчило человѣческую натуру, чтобы низвести ее на степень простого орудія.

Что осталось человѣческаго въ этомъ истощенномъ, извращенномъ, золотушномъ существѣ, которое вѣчно дышетъ въ атмосферѣ пота, сала и пыли?

Спасите себя во что бы то ни стало отъ такой смерти. Оберегайте ревностно вашу землю: она ваша, вашей жены и дѣтей, которыхъ вы любите. Соединитесь съ товарищами, землѣ которыхъ, какъ и вашей, угрожаютъ заводчики, любители охоты, ростовщики. Забудьте всѣ ваши мелкія ссоры и сходитесь въ общины, гдѣ всѣ будутъ солидарны, гдѣ каждый клочекъ луга будетъ защищаться всѣми общинниками.

Въ количествѣ ста, тысячи, десяти тысячъ человѣкъ вы будете уже достаточно сильны, чтобы противустоять помѣщику и его слугамъ; но вы не будете еще достаточно сильны, чтобы побѣдить армію. Соединяйтесь же община съ общиною, чтобы самая слабая имѣла за себя всѣхъ. Призовите къ себѣ также и всѣхъ тѣхъ, у кого ничего нѣтъ, всѣхъ обездоленныхъ городскихъ рабочихъ, которыхъ, можетъ быть, васъ и научили ненавидѣть, но которыхъ надо любить, ибо они помогутъ вамъ удержать землю и вернуть то, что у васъ отняли. Вмѣстѣ съ ними вы снесете всѣ ограды и образуете огромную общину людей, гдѣ всѣ будутъ работать сообща надъ своимъ счастьемъ, придавая жизнь и красоту этой чудной землѣ, дающей намъ хлѣбъ.

Но если вы этого не сдѣлаете, все будетъ потеряно. Вы умрете рабами и нищими. „Вы хотите вѣсть“, сказалъ недавно алжирскій мэръ депутаціи безработныхъ, „такъ вѣйте другъ друга!“

Элизе Реклю.

